Добавив в список на один двуручный меч больше, чем они планировали изначально, их поход по магазинам закончился без дальнейших инцидентов.

Был уже вечер, и Рараджа с усталым выражением лица тащился по главной улице в Скейле.

«Это того не стоило…» — пробормотал он.

Рядом с ним шла постоянно извиняющаяся Аанъя.

«Мне ужасно жаль…» — сказала она. Ее серебряные волосы колыхнулись в золотом свете заката, когда она склонила голову.

Когда она была так искренна, Рараджа чувствовал себя неловко. «Нет» — отрывисто сказал он ей. «Ничего страшного… я привык быть мальчиком на побегушках».

В конце концов, ему пришлось нести тело.

«Я не буду просить тебя убирать кровь, но не оставляй безголовое тело лежать посреди моего магазина. Это твоя работа, не так ли?»

После того как все улеглось, было решено, что они последуют вполне разумному предложению Котлоба и отнесут тело мужчины в храм.

Однако Иарумасу нужно было купить снаряжение для Рараджи и Гарбедж, поэтому он не мог уйти прямо сейчас. Аанъя предложила свою кандидатуру, но они не могли заставить ее тащить труп, пока она еще вся в крови. А что касается того, чтобы его несла Гарбедж… ну, с этой идеей были связаны всевозможные опасения.

Оставался только Рараджа.

Нежелание, покорность, чувство долга. Он взялся за дело, чувствуя при этом нечто такое, что не укладывалось ни в одну из этих категорий.

‘Если все, что мне нужно сделать, это перетащить для них труп, то это все равно лучше, чем то, что заставляли меня делать в клане’. Отнести труп в храм, а не оставить его гнить в подземелье… Рараджа почувствовал себя лучше, хотя бы немного. Правда, этот труп был не совсем авантюристом, павшим в подземелье.

В целом, Рараджа был не против всего этого — у него не было проблем с поиском дороги обратно в храм, и не было проблем с расходованием своего времени и выносливости по пути.

Нет, самой большой проблемой было…

«Я сказал другим жрецам, что Иарумас зарубил вора в магазине».

«Мне действительно очень жаль…» — ответила Аанъя.

Рараджа не мог сказать храму, что одна из их собственных монахинь замахнулась мечом и отрубила парню голову.

Можно было бы с натяжкой сказать, что Рараджа солгал ради нее из-за своих моральных принципов… Скорее, он не хотел навредить репутации той, кто ему помог.

‘Что ж, я не против, если это будет Иарумас…’

И вот так, в конце концов, он долго объяснял жрецам храма эту выдуманную историю.

«У меня никогда в жизни не было такого серьезного разговора со жрецами с глазу на глаз…»

«Гав?»

Идя за ними рысью, Гарбедж с сомнением фыркнула на то, как ведет себя Рараджа. Какой интерес она проявляла к своим собратьям-людям. В отличие от нее, Иарумас, шедший впереди них, даже не оглянулся.

Как бы то ни было, Рараджа был измотан умственно и физически. У него также не было ни желания, ни гордости, чтобы попытаться скрыть это, что свидетельствовало о недостатке зрелости с его стороны.

«Блин, я устал…»

Он не жаловался, просто ворчал, но это заставляло Аанъю чувствовать себя неловко. Пока Рараджа бегал в храм, она привела себя в порядок. Он подумал, что она, должно быть, использовала какое-то заклинание, ведь если бы она только переоделась, это не избавило бы ее от запекшейся крови на щеках и в волосах. Кроме того, несмотря на то, что они не засыпали пол опилками или чем-то еще, лужи крови на полу магазина полностью исчезли.

Или… может быть, торговая лавка Котлоба была просто создана, чтобы справляться с такими вещами…

В любом случае, хватит отступлений.

Во всяком случае, ранним вечером в Скейле было шумно, даже более шумно, чем днем. Те, кто успел вернуться из подземелья, праздновали свое победное возвращение, тратя деньги, заработанные в приключениях.

Не было ничего необычного в том, чтобы увидеть группы людей, идущих по улицам, покрытых кровью… но будто это одинокая монахиня? Она бы выделялась не лучшим образом. Если бы она все еще была в багровых пятнах, Сестра Айникки съежилась бы, став меньше мыши. Или, возможно, ее вера, которая не боялась смерти, позволила бы ей ходить по улицам с высоко поднятой головой.

‘Мне бы это не понравилось’.

Рараджа решил, что ей следует оставить это занятие Иарумасу и Гарбедж.

«О-о, я знаю!..»

Аанъя внезапно хлопнула в ладоши, привлекая внимание группы, но словно принуждая себя.

Они остановились прямо посреди главной дороги, поэтому поток людей быстро разделил группу на две части. Аанъя улыбнулась, не обращая внимания на прохожих, которые косо смотрели на них. «В благодарность за вашу помощь, сегодня вечером я угощу вас в таверне!» — воскликнула она. «Да, звучит неплохо!»

«Тяф?»

«Серьезно?» — спросил Рараджа.

«Да, серьезно!»

Гарбедж не понимала, о чем говорит монахиня, а Рараджа был удивлен, но Сестра Айникки не позволила бы ни одному из них сбежать.

Не похоже было, что у Рараджи было какое-то намерение сбежать от нее. Он был голоден, в горле у него пересохло, ноги болели, и все тело казалось тяжелым. Хотя Рараджа и не заметил этого, его ХП было почти на нуле, и не только из-за битвы в оружейном магазине — было много способов вымотать себя, не связанных с боем.

Поскольку Рараджа и Гарбедж согласились с предложением Аанъи, единственной потенциальной проблемой оставался человек в черном, стоявший впереди группы.

«Таверна, да?» — сказал Иарумас, вздохнув. «Я не буду слишком на это надеяться...»

Рараджа не понял, что имел в виду Иарумас, когда пробормотал этот ответ. Но, по-видимому, Аанъя поняла. Она наставила на Иарумаса палец со смесью удивления, доброты и раздражения.

«Таверна нужна не только для того, чтобы собирать членов группы, знаешь?»

«А для чего же еще?»

«Для еды и питья. Это место необходимо для того, чтобы наслаждаться всем, что может предложить жизнь».

«Знаете, из того, что я видел...» — начал Рараджа, решив безжалостно ударить Иарумаса в спину. Считайте это расплатой за то, что он стоял сложа руки и смотрел, как его чуть не убили. «...этот парень ест только кашу».

«О, боже мой!..»

С раздраженным выражением лица, Аанъя, которая была прекрасна даже с нахмуренными бровями, остановилась перед питейным заведением.

Вывеска, на которой было написано имя старого бога, гласила «Таверна Дурги».

§

«Вау!»

Как только они вошли в дверь, рев шума поразил их, как дыхание дракона. Эта масса информации обрушилась на Рараджу с такой силой, что едва не сбила его с ног.

Вокруг него только и говорили о том, что появилось на каком этаже подземелья. Дорогая курительная травка. Жирная стряпня. Выпивка. Звон золотых монет. Смех. Слезы.

Искатели приключений праздновали возвращение живыми, хвастались тем, что заработали двести золотых монет, и оплакивали потерю души товарища. Эта толпа обогащала себя в подземелье или обогащала подземелье собой.

Таверна Дурги была самым большим трактиром для искателей приключений во всем Скейле, Рараджа узнал об этом на днях. Но то, что он был здесь уже второй раз, не означало, что он привык к этому месту. Хотя, да, он останавливался в гостинице, но его жилье всегда

находилось в конюшнях. Он никогда не имел ничего общего с таверной ранним вечером, когда она была наиболее оживленной — ни раньше, ни сейчас.

«Что ж, пора наесться» — призывала Аанъя. «Не сдерживайтесь из-за меня. Это важно для таких искателей приключений, как вы!»

Она направилась вглубь таверны, пробираясь сквозь толпу, словно разделяя море для своих спутников.

Иарумас следовал за ней, как тень, а Рараджа и Гарбедж выглядели так, словно их сейчас поглотит людская толпа. Как только они последовали за двумя взрослыми к круглому столу, Рараджа в изнеможении опустился на стул.

‘Наконец-то я могу посидеть…’

Загадочным образом он чувствовал себя хорошо, пока стоял, но теперь, когда он присел, усталость за день, казалось, навалилась на него разом.

И… день еще не закончился.

Сидя рядом с Гарбедж, которая выглядела маленькой и тихой, Рараджа отчаянно цеплялся за стол.

«Не хотите ли мяса, Гарбедж-сан?» — спросила Аанъя.

«Тяф!»

‘Откуда берется вся ее энергия?’ Даже если Гарбедж не могла понять слов Аанъи, эмоции в них (или что-то в этом роде) все равно дошли до девушки.

Рараджа с сомнением посмотрел на Гарбедж, которая весело лаяла. Теперь, когда они с Аанъей отвлеклись, оставался только один человек, с которым можно было поговорить…

«А ты?» — спросил Иарумас.

«Я… буду» — ответил Рараджа мрачному, непроницаемому человеку.

Иарумас кивнул, затем подозвал одного из официантов. Он сделал заказ, не проявляя особых эмоций, а затем заключил равнодушным «А я буду кашу».

«Нет, так не пойдет» — резко возразила Аанъя. Она протараторила заказ, в который, если Рараджа не ослышался, входил крепкий северный ликер и несколько других блюд. Затем, обхватив Иарумаса за плечи, она прижала его к груди, точно так же, как она сделала с двуручным мечом.

«Простите, Рараджа-сан, но не могли бы вы присмотреть за Гарбедж-тян?»

Прекрасные глаза эльфийки медленно обратились к Иарумасу.

«Мне нужно перекинуться парой слов с Иарумасом-сама».

«Проповедь, да?»

«Верно!»

Времени на возражения не было. Параджа вознес безмолвную молитву о том, чтобы Иарумас покоился с миром, наблюдая, как они уходят вдвоем. Хотя смерть, при которой Сестра Айникки наблюдала бы за его последними мгновениями, не могла быть такой уж ужасной…

«Уркх…»

Параджа нахмурился, внезапно вспомнив вес трупа, который он нес раньше. Жизнь того человека оборвалась в одно мгновение…

Мясо? Сейчас у Параджи не было аппетита.

Но…

«Извините за ожидание!»

«Гав!»

Появился официант, грубо расставляя подносы с едой, и Гарбедж одобрительно гавкнула на мясо. Куски шипели на раскаленной железной плите. Похоже, Аанъя действительно раскошелилась на них.

«Уау!!!» — крикнула Гарбедж. Если бы не горячая плита, она бы непременно схватила мясо руками, чтобы откусить кусочек.

Вместо этого она использовала нож и вилку, чтобы резать и накалывать, жадно набрасываясь на еду.

‘Я поражаюсь, как она может есть…’ Вспомнив произошедшую ранее катастрофу, Параджа почувствовал себя так, словно кто-то сжал его желудок в кулаке.

Его уже отправляли в полет. Его также чуть не убили. Но…

‘Пытаться убить кого-то…’

Возможно, это был не первый раз, когда он угрожал убить кого-то… но это был первый раз, когда он действительно пытался осуществить задуманное. Убийство человека — это не то же самое, что убийство монстров. Даже когда он преследовал Иарумаса, он хотел лишь немного побить его, не более.

И все же эта девушка… Она без колебаний замахнулась на нападавшего широким мечом.

‘Что за жизнь она вела?’

На шее у нее был грубый, тонкий ошейник. Ее интеллект был практически таким же, как у одичавшей собаки. Она не произносила слов. Единственное, что у нее было… это меч.

«Хм?»

Гарбедж подняла голову. Возможно, она отреагировала, потому что Параджа смотрел на нее, обдумывая ситуацию. Ее голубые глаза, слегка темные, как бездонный бассейн с прозрачной водой, пронзительно смотрели на него.

Он невольно сглотнул.

Она громко жевала в ответ.

Не задумываясь, он понял, что она имела в виду.

«Я съем это...» — сказал он ей. «Ты не можешь взять мое».

«Гав» — ответила она, что, похоже, означало: «Ну, ладно». Гарбедж фыркнула и вернулась к борьбе с толстым куском мяса.

Параджа снова вздохнул, взяв в руки вилку и нож. Если он не поест, то будет чувствовать себя так, словно проиграл... а это его очень беспокоило. Кроме того, если бы он мог просто выбросить труп этого человека из головы, то смог бы поесть качественного мяса. Такой шанс выпадал нечасто...

По крайней мере, до сих пор. Он не знал, как все будет дальше. Эта мысль помогла разжечь его аппетит.

«Хорошо!»

Параджа, в конце концов, приготовился приступить к еде, но тут...

«Эй, малыш! Ты еще жив, а?!»

Его прервал радостный крик и крепкий шлепок по спине.

§

«Ха-ха-ха-ха, прости, прости!»

Параджа и Гарбедж теперь сидели за столом Сезмара — за столом Звезд. Когда он находился рядом с этим великодушным свободным рыцарем, Параджа никогда не мог ответить чем-то большим, чем пробормотать: «Точно» или «Неа». Это была их вторая встреча. Это было здорово, что они дружили, но эти шестеро были в лиге намного выше его собственной.

Да, именно так — сегодня его окружали все шестеро. Ему казалось, что он может умереть в любой момент.

Гарбедж, которую они тоже притащили с собой, сидела за столом и равнодушно ела свое мясо. Параджа не мог в это поверить...

«Ты всегда такой, Сезмар» — пожаловалась Сара. «Постарайся быть повежливее с новичками, ладно?»

«Ты так говоришь, но я-то знаю, что ты всегда ведешь себя как старший авантюрист-всезнайка» — возразил Морадин.

«Эй, Просперо!» — воскликнула Сара, поворачиваясь к магу. «Отчитай эту рею за меня!»

«Со своей стороны, я думаю, что ты можешь быть такой же грубой, как и Сезмар...» — сказал Просперо.

«Что ты сказал?!»

«Я не могу опознавать предметы во всем этом шуме!» — огрызнулся Верховный Жрец Тук.

«Возьмите пример с Хоука! Вы все должны быть больше похожи на Хоуквинда!»

Эльфийка-жрица и рея-вор вцепились друг другу в глотки, маг объявил нейтралитет, а дварф разозлился на всех.

Каждый из них был таким известным искателем приключений, что Параджа и Гарбедж не должны были быть достойны их внимания.

'Ургххх...'

Окруженный со всех сторон, Параджа хотел только одного — немедленно убежать от них. Особенно сильно на него подействовали глаза авантюриста, которого не было с ними в первую встречу — загадочного человека, одетого во все черное.

Этот человек, Хоуквинд, просто сидел молча, отставив выпивку. Миска перед ним, в которой была каша, была уже пуста, так что он просто сидел рядом со своими товарищами.

Однако то, как его глаза молча оценивали Параджу... невероятно смущало. Парень не мог определить, что именно, но что-то в этом человеке напоминало ему Иарумаса.

У него был такой странный взгляд... как будто он не воспринимал людей как людей.

Параджа молча сглотнул. Что бы он ни сказал, открывать рот было опасно — так ему казалось.

«Эм, ээ, э...»

Параджа огляделся, избегая зрительного контакта, в поисках темы, которая помогла бы ему выбраться отсюда. Перед ним на столе лежала куча ценных вещей, и дварф старательно осматривал ее. Это был его билет.

«Тук... сан».

«Просто Верховный жрец». Добродушный дварф-епископ одарил его улыбкой, которая, казалось, была высечена из камня. «В чем дело, молодой человек?»

«Это очень помогло нам, когда вы оценили наши вещи в прошлый раз, но разве вы никогда... просто не оценивали их в магазине?»

Казалось, что с таким объемом сокровищ дварфу просто невыгодно оценивать все в одиночку. Параджа просто пытался сменить тему, но это было также то, что его искренне интересовало.

«У Котлоба?» Тук нахмурился. «Он бы нас обобрал».

«Цена, которую он берет за оценку предметов, равна той сумме, за которую он готов купить их!» — добавила Сара.

«Он держит этот магазин только для того, чтобы развлечься» — усмехнулся Просперо. «Он ни на йоту не заботится о своих клиентах».

Сара и Просперо поддержали друг друга, и вскоре на Котлоба посыпалась целая гора жалоб. Очевидно, он покупал проклятые вещи по высокой цене... но если бы вы просили его снять проклятие, он бы взял плату за услугу, а вещь оставил бы себе.

'Забавно...'

Рараджа выдавил улыбку. Она была неуверенной, но он заставил себя удержать ее, спросив: «Это потому, что он хочет выставить их на всеобщее обозрение?»

«Разве это не безвкусица?» — проворчала Сара.

«У него много легендарного оружия… но ни одно из них его не устраивает» — пробормотал Морадин, рея, с тайной усмешкой. Он набил свою трубку травой, раскурил ее с помощью трюка, который казался почти магией, а затем, пухнув, начал пускать кольца дыма. Он выпустил еще одну тонкую струйку дыма, чтобы обвить кольцо, а затем посмотрел на Рараджу. «Ну, у каждого, кто прибывает в этот город, есть какая-то цель, большая или маленькая. Это облегчает понимание вещей».

«Это…»

…включает и Иарумаса?

У человека в черном не было воспоминаний. Искал ли он их? Если да, то что искало его прежнее «я»?

Рараджа резко замолчал. Как это истолковал рея-вор? Возможно, Морадин пытался быть хорошим старшим для своего менее опытного коллеги, потому что он говорил серьезным тоном, нехарактерным для его расы. Медленно он все объяснил Рараджу.

«Ты должен быть осторожен, малыш» — предупредил он. «Мощные магические предметы могут свести с ума даже тогда, когда они просто лежат».

«Из уст реи это звучит особенно многозначительно» — сказал Рараджа.

Морадин пожал плечами. «И не говори!»

Верховный Жрец Тук обратил свой взгляд, производивший впечатление благоразумия, на Рараджу. «Но опасно не магическое оружие… по-настоящему ужасают сердца его обладателей».

«Их сердца?»

«Конечно. По сути, человек может подумать: ‘Если это я, то я смогу овладеть им. Я могу заполучить его в свои руки. И когда оно у меня будет, я буду творить чудесные вещи’».

«Если это я…» — пробормотал Рараджа.

Тук кивнул. «Именно. Гордыня, как она есть, уже является болезнью, которая влечет за собой смерть».

«Верховный Жрец, теперь уже ты ведешь себя, как старший авантюрист-всезнайка» — сказала Сара, усмехаясь. Эльфийка выглядела пьяной, ее уши покраснели. Вероятно, поэтому дварф не стал воспринимать ее всерьез.

‘Я вроде как понимаю’.

Рараджа погрузился в море мыслей, отрезав себя от шумных искателей приключений, с которыми он сидел. В конце концов, совсем недавно у него был собственный опыт с Камнем Демона, и закончился он плохо…

И все же, несмотря на потерю камня, он все еще думал: «Если бы я мог использовать его как следует, он был бы очень кстати».

Незаметно Параджа потянулся к кинжалу на бедре, поглаживая рукоять. Конечно, это было не магическое оружие. Но это был шедевр, не похожий ни на один из тех, что он мог себе представить до сих пор. Теперь, когда он владел им... мог ли он утверждать, что не опозорится снова, как раньше?

Внезапно Параджу напугал раскатистый голос, такой же громкий, как тогда, когда его ударили по спине.

«Если ты будешь играть с оружием, твоя удача упадет».

«Ч-что?!»

Этот раздражающе бодрый голос и освежающая улыбка принадлежали Сезмару, теперь уже со снятым шлемом.

«Я понимаю, что ты чувствуешь, ведь ты только что получил новое оружие. Почему бы тебе не подумать о чем-нибудь веселом?»

«Э-э, нет, я не...»

'Нет, он прав'. Параджу только что предупредили, что излишняя самоуверенность — это болезнь... но оптимизм — это не то же самое, что излишняя самоуверенность. Он выживал до сих пор. Сегодня ему купили новый кинжал, и перед ним была еда.

Было бы странно впадать в депрессию. Он должен наслаждаться моментом.

Вот почему...

«Ты не выглядишь так, будто решился войти в подземелье» — заметил Сезмар. «Так откуда он у тебя?»

Когда ему задали этот вопрос, Параджа ухмыльнулся, 'Я тоже этим наслажусь', и рассказал им всю историю.

«Ну, видите ли, Сестра Айникки сказала Иарумасу...»

§

Таверна Дурги сошла с ума. Люди весело стучали по столам, поднимали бокалы, а искатели приключений оглушительно смеялись.

Параджа сидел посреди всего этого, пораженный, но выглядел он теперь намного веселее.

«Эй, а Аанъя-сан действительно монахиня?» — спросил он. Увидев, как она так размахивает мечом, он с трудом поверил в это. Была ли она на самом деле рыцарем церкви или паладином... лордом?

Сара ответила (ответила?) на его вопрос. «Без комментариев. А теперь давайте поговорим об Иарумасе! Я уже раздражена тем, что он ест с Аанъей, но как он мог оставить такую милую девушку одну?!»

В какой-то момент она обхватила Гарбедж своими стройными руками.

Девушка стала тощей и недокормленной, как только у нее забрали ее меч. Сидя на коленях эльфийки-жрицы, она выглядела совсем как маленький щенок.

«Эй, ты согласна, не так ли, Гарбедж-тян?»

«Гав...»

Девушка, казалось, была несколько обескуражена лаской Сары — казалось, что проявление привязанности было односторонним.

Пока эльфийка терлась щеками о Гарбедж, Рараджа не обращал внимания на голубые глаза, которые обиженно смотрели на него. Даже если бы он захотел ей помочь, Рараджа и близко не обладал такой смелостью, чтобы бросить вызов хотя бы одному из этих шести искателей приключений.

«Ты так суров с Иарумасом» — со смехом сказал Сезмар. «Он не такой уж плохой парень, знаешь ли».

«Проблема не в этом». Сара энергично погладила Гарбедж, которая пыталась съесть мясо, а затем раздраженно продолжила: «Ты же знаешь, что разные люди видят подземелье по-разному?».

«И что, по словам Иарумаса, он видит?»

«Темноту и белые линии» — ответила Сара, с сомнением глядя на остальных членов группы. «Вы можете в это поверить?»

«Нет, это не может быть правдой. Не может быть». Морадин пренебрежительно махнул своими маленькими ручками. «Это, должно быть, чушь собачья».

«Ха-ха-ха! По мне, так это очень даже неплохой способ смотреть на вещи!» — отметил Тук.

«Иарумас — маг, как и я» — заметил Просперо. «В таком случае, он должен уметь видеть вещи на более глубоком уровне».

«Возможно, ты не очень то и способный, и тебя просто вводят в заблуждение иллюзии» — пошутил дварф.

Все они подшучивали друг над другом, говоря все, что им заблагорассудится. Один лишь Хоуквинд угрюмо молчал. Нет, не только он. Рараджа тоже ничего не говорил.

‘У каждого, кто прибывает в этот город, есть какая-то цель, большая или маленькая’.

Так ли это в отношении Иарумаса?

Этот вопрос вновь появился в голове Рараджи.

Даже сейчас, после потери воспоминаний, Иарумас отважился войти в подземелье. Было ли это потому, что он потерял их?

‘Кто он такой? Откуда он прибыл? И куда он направляется?’

‘Нет, прежде всего…’

«Прежде всего…»

Слова просочились изо рта Параджи незаметно. Казалось, что они пролились сами собой.

«Сомнительно, что Иарумас — это вообще его настоящее имя…»

«Да, скорее всего, это псевдоним».

Этот ответ, который пришел так легко, был дан Морадином, который потягивал свою трубку.

«Псевдоним?»

«Конечно. Я тоже скрываю свое имя. Как и мистер Котлоб».

Морадин дразняще посмеялся, и его смех, казалось, спрашивал: «Неужели этот парень выглядит достаточно милым, чтобы быть Котлобом?»

«Мы искатели приключений» — продолжил рея. «Никто не будет возражать против того, как мы себя называем — это может быть все, что мы захотим».

Параджа неловко поерзал, поскольку использовал свое настоящее имя.

Опытный рея-вор, должно быть, понял, как чувствовал себя Параджа. Его тон немного смягчился… по крайней мере, так показалось мальчику, хотя, возможно, это было его воображение.

«Что ж, я полагаю, это лучше, чем давать себе рабочее имя или но-де-гер только потому, что тебе этого хочется».

[Прим. Пер: nom de guerre, буквально — «военное имя» — разновидность псевдонима, распространённая среди разнообразных военных и околовоенных персоналий. По сути синоним псевдонима.]

Параджа вздохнул с облегчением, поскольку ему удалось разговорить Звезд. Возможно, это было из-за всего алкоголя, который он выпил на протяжении всего разговора… несмотря на то, что он был слишком напряжен, чтобы почувствовать его вкус. В любом случае, это не имело для него значения. Чего Параджа хотел от всего сердца, так это мужества.

«Итак, имена… а что насчет вас, ребята?» — спросил Параджа.

«Мое настоящее» — со смехом ответил Сезмар. «Исходит от героя давних времен».

«Маги скрывают свои настоящие имена».

«Но не я» — сказала Сара, сделав вид, будто ответ Просперо показался ей скучным. Затем, раздувая ноздри, она добавила: «Если Гарбедж — ее настоящее имя, я устрою ее родителям взбучку».

Гарбедж все еще сидела на коленях Сары, заключенная в обожающие объятия. Неужели она перестала сопротивляться? Казалось, она почти обмякла, лениво запихивая мясо в рот.

Она бросила взгляд на Параджу, все еще безмолвно взывая о помощи, но он проигнорировал

его.

«Если подумать… Хоук — это тоже рабочее имя?» — спросила Сара.

«Наверное, да?» — предположил Тук. «Не думаю, что он нам когда-либо рассказывал нам».

Когда они спросили его «Эй, что насчет этого?» Хоуквинд лишь молча пожал плечами.

Но даже это было за пределами мыслей Параджи.

Всю оставшуюся ночь Параджа молчал.

§

Вот и подошел к концу чрезвычайно насыщенный событиями день.

От разграбления трупов в храме до празднования конца дня в таверне, Параджа был во власти потока событий… который теперь уложил его на солому в конюшне.

Аанъя вернулась в храм, Иарумас отправился на поиски своей комнаты, а Гарбедж рысью побежала за ним.

Параджа остался один, его измученное тело опустилось на солому, и он рассеянно смотрел в потолок.

‘Так… устал…’

Он слишком много пережил… так много… с утра до вечера.

Таскал трупы, ходил в оружейную лавку, подвергся нападению какого-то разбойника, купил кинжал, сходил в таверну.

Что-то из этого прошло хорошо, что-то нет. Ему казалось, что почти все прошло неудачно.

‘Знаешь, тот парень…’

Человек в таверне, который нанял Параджу, если это можно было так назвать, и подставил его как убийцу. Преступник в Котлобе был одет в такой же плащ, так что эти двое, должно быть, входили в одну группу… Верно?

Выяснить это сейчас не было никакой возможности, ведь у нападавшего не было головы. И не было способа воскресить его бесплатно.

‘Но все же…’

Разве он не мог справиться с ситуацией лучше? И этот парень… и сам Параджа.

Конечно, Параджа был вынужден обороняться, но он никак не мог выполнить такой большой замах. Если бы он был внизу, в подземелье…

Нет…

‘Если бы там не было Сестры Айникки, я был бы мертв’.

Ее движения были невероятными. И у Гарбедж тоже, хотя она все испортила. Параджа не мог

так двигаться.

И потом… там был Иарумас. Параджа мельком видел его движения на днях, в подземелье…

Он был несравненно быстр. Звезды, вероятно, были так же быстры.

Параджа стал быстрее, но все остальные были на совершенно другом уровне.

‘Конечно, можно сказать, что это разница в опыте, и на этом все закончилось бы…’

Но то, как Параджа использовал свое тело, как он двигался… Это должно было быть главным фактором. До тех пор, пока его будет подталкивать собственное тело, он ничего не добьется.

‘По крайней мере, мне нужно привыкнуть к тому, какой я сейчас…’

За гранью этого мира… Если Параджа собирался посмотреть, что там, снаружи, то он не мог пренебрегать землей под собственными ногами. Ведь, в отличие от своего прежнего клана, теперь у него была возможность заложить прочный фундамент.

Пока он спокойно лежал, в его голове все это начало складываться воедино…

Ах.

«Со мной было то же самое… наверное».

Так вот как это было, да? Осознав это, Параджа вздохнул.

Да… это был Иарумас. Причина, по которой Параджа жив. Причина, по которой он теперь мог проводить свои дни так, как раньше и представить себе не мог. И все это, несомненно, из-за (не «благодаря», он отказывался это признавать) человека в черном.

Но, в то же время, Параджа не знал. Он не знал, о чем говорили Иарумас и Сестра Айникки, о чем думала Гарбедж.

‘Что происходит со всеми ними?’

Аанъя и Гарбедж. Звезды. Иарумас.

Почему они прибыли сюда? Откуда? И куда они направлялись?

Кем был он, Параджа, на самом деле? Кем он может стать?

Парень лениво размышлял над этим, пока его сознание не покинуло его, и он не погрузился во тьму.

Он проснется снова, когда восходящее солнце зальет конюшни своим первым светом. Когда наступит утро, все эти мысли будут давно забыты.

А подземелье… будет ждать.

http://tl.rulate.ru/book/84639/2783660